

Николай Златовратский

Горе старого Кабана



Николай Златовратский
Горе старого Кабана

«Public Domain»

1911

Златовратский Н. Н.

Горе старого Кабана / Н. Н. Златовратский — «Public Domain»,
1911

«Спустя несколько лет после рассказанной мною истории с Чахрой-барином пришлось мне поселиться в Больших Прорехах надолго: я задумал построить на земле своей племянницы хутор. На все время, пока заготавливали материал для стройки, пока строилась сама изба, я должен был поселиться у кого-либо из прорехинских крестьян...»

Содержание

* * *	5
I	6
II	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Николаевич Златовратский

Горе старого Кабана¹

* * *

...Он не год сидел, не два года.
Отпустил свою бородушку
До самого шелкова пояса;
Он по светлице похаживает,
Табаку трубку раскуривает.
Он поет песни, как лес шумит:
«Уж талан ли, мой талан худой,
Или участь моя горькая!...»

Народная песня

Спустя несколько лет после рассказанной мною истории с Чахрой-барином пришлось мне поселиться в Больших Прорехах надолго: я задумал построить на земле своей племянницы хутор. На все время, пока заготавливали материал для стройки, пока строилась сама изба, я должен был поселиться у кого-либо из прорехинских крестьян. С бывшим моим арендатором дела у меня расстроились (он мне иногда, как будто не нарочно, забывал даже кланяться, а если иногда и кланялся, то снимая нехотя картуз и не кивая головой); знакомые старики мои почти все примерли; умер, как вы знаете, Чахра-барин с «огорчений», умер и Ареф, давно уже замерший заживо (говорят, «он и не слышал, как умер», да и никто не слышал, только уж сутки спустя хватились окликать его, а он лежит на печи и голосу не подает: «моща, так моща и есть»); умер и высокий старик кузнец с ребячьей головой и детским лицом «скоропостижно», после драки с сыном; умер и Самара, умевший ловко таскать у внука из бутылки водку, а после добавлять водой, но Самара, по крайней мере, оставил после себя приятеля. Кабана, до такой степени схожего с собой, что как будто он вовсе и не умирал для прорехинского мира. Когда и жив был Самара, так их с Кабаном почти что не различали.

Вот у этого-то «старого Кабана» и привела мне судьба поселиться. Поселился я у него прежде всего потому, что изба у него была если не больше всех других, зато двухэтажная, в три окна, с порожним верхом, и притом самая красивая во всем селе. Очевидно, строилась она напоказ и «в свое удовольствие». Крыша железная с вычурными водостоками; двор крыт тесом и крашен, вместе со всею избой, в темно-коричневый цвет; окна узорчатые. Через улицу, против окон, стояла житница, тоже узорчатая, с крашенными в тот же цвет бревенчатыми стенами, с ярко блестящею зеленою железною дверью, вся новая и крепкая. Житница эта резко выделялась от своих дряхлых соседок, а в особенности от одной из них, переделанной в жилую избу, с двумя крохотными оконцами. То была изба Степаши, дочери покойного Чахры-барина. Я очень был рад этому соседству. Мне хотелось узнать поближе, как живет Степаша.

Впрочем, позвольте мне сначала поближе познакомить вас с Кабаном.

I

Кабан был мужик среднего роста, плотный, мускулистый, приземистый, так что его большая голова как будто несколько была вдвинута в плечи. Сивая круглая борода и довольно тщательно расчесанная, с пробором посередине, серебристая голова придавали ему очень благообразный вид, тем больше что одевался он чисто: кувшинные сапоги были всегда вымазаны, ситцевые рубахи и порты только что выстираны (от них всегда несло даже серым мылом). Но все это «благообразие» как будто было не его, не родное, а взятое напрокат, парадное. Наблюдали вы ребенка, когда наденут на него «обновку» и он еще не успел с ней освоиться? Таким же, постоянно смущенно улыбающимся, осторожно поскрипывающим сапогами, конфузливо выступающим и думающим, что все на него смотрят, был Кабан. «Не замарай рубашку, не запыли сапоги, не всключивай голову!.. Ходи ровнее, не бегай, будь пайныка... Теперь ты уж большой!» – говорят ребенку, – и ребенок, не чувствуя в глубине души, чтоб он действительно сразу стал «большой», силится послушанием уверить себя и других, что папаша и мамаша не ошибаются. Если это забавно выходит в ребенке, то, понятно, еще забавнее у старика в 60 лет. А Кабан был именно таков. Войдет, бывало, ко мне наверх, слегка поскрипывая сапогами, пригладит голову, сядет напротив меня, сложит на животе руки и смотрит прямо в лицо как будто чуть-чуть, не постоянно смеющимися серыми глазами.

Так и хочется его спросить: «Что, Листарх Петрович, загнали, брат, тебя в чистые хоромы да в новые сапоги? Неловко, должно, тебе?»

Да и к своей красивой новой избе, ко всему своему хозяйству он относился как-то чрезвычайно странно, как будто все это было не его, не родное, не хозяин он тут, а только дворецкий.

– Видишь, какая у нас усадьба-то теперь... А ведь прежде-то у меня здесь что было? Хибарка, Миколаич, малая хибарка, колышками подперта, ветерком продута, в три слепых оконца, в соломенной шапке... Да, – говорил он мне, когда, на третий день по приезде моем, показывал он мне свою усадьбу, – и что случилось, что случилось-то, ты погляди!.. Ах, господи! До сих пор в ум не приду, ей-богу, не приду!.. Словно, братец, меня ушибло... Гляжу-гляжу на эти хоромы-то – и ума не приложу: ровно как будто сплю я все, грежу... Ей-богу!.. Бывало, братец, работаешь до десятого поту, спина трещит, ноги ноют, ломит, живот ведет, ты бы поесть, ан одна тюря²; того пуще брюхо-то пучит... Беднота была, голь... Ах, братец, шибко тяжело было!.. И что случилось, что случилось! – причмокивал Кабан, покачивая головой. – Ну, чего мне теперь нужно? Все есть... Захотелось спать – ложись, хочешь на печку, хочешь на перину... В кладовой вон их две лежат по двадцати пяти рубликов штука стоила!.. Да подушек там же полдюжины пуховых хранятся... Ну?.. Есть захотел? Вот тебе сладкий кус, какой хочешь... Гороху, што ли? – и горох будет... Судак соленого закусить? – и судак будет... Разгуляться захочешь? – вот они, два коня стоят... Бери жеребца и поезжай, куда душа тянет... Да никуда, братец, не тянет, вот беда-то! Я уж и хотеть-то не знаю чего придумать! Ей-богу! Иной раз, признаться тебе сказать, тоскую... шибко тоскую... Никогда этого со мной прежде не бывало!

– Да ведь ты и теперь работаешь, Листарх Петрович; с чего же тебе тосковать?

– Работаешь!.. Разве это работа? Так, баловство... Бывало вот, работал, точно, как тюрю-то ел... Летом-то преешь-преешь, да и зимой-то, и в стужу, и во выюгу, за одром своим треплешься... Мы в извоз³ тогда хаживали... А теперь... – и тут Кабан сокрушенно махал рукой, – больше ничего, как одно баловство... Хотел было, братец, раньше-то еще, от тоски, по-преж-

² Тюря, тiora, тiorка – самая простая еда: хлеб или сухари, корки, покрошенные в воде с солью.

³ Извоз – перевозка лошаадьми (иногда волами) грузов и пассажиров, в России одна из натуральных повинностей крестьян, один из промыслов.

нему, туда-сюда сунуться: земли хотел взять побольше, в извоз было собирался... Ну, не допустили!

– Кто ж тебя не допустил?

– А все господа-то мои: сынок с невесткой... «Да ты, – говорят, – тятенька, сделай милость уж, нас не ерами... Пожалуйста, не срами... Чего тебе недостает? Что ты бога-то будешь гневить? Он нас, милосердый, взыскал, а ты недовольством своим его огорчать будешь? Ты одно знай – честь нашу держи... Смой с, себя черную-то образину!.. А уж ежели тебе тоскливо, ну лавочку открой, так, для веселья, и грош лишний перепадет»... Ну, я этим ремеслом николи не занимался... Так вот и остался, что боров откормленный, – жир только нагуливать.

– Где же у тебя сын с невесткой?

– Да в Москве живут.

– Что же они там делают?

– А брюхо растят... В артельщиках у меня сын-то... Слышь, по три тысячи за год-то себе в карман очищает!.. Вот какая махина!.. Ну куда экую прорву денешь, коли ежели не в брюхо?.. Робятишки хошь бы, что ли, были, все же знал бы, что когда-нибудь в дело пойдут... И того нет: не родит толстая... Да где ей родить! Ожирела!

Последние слова Кабан произнес даже с сердцем.

– Вот, видишь, хоромы какие вывели!.. А к чему? Хошь бы внучата, что ли, были... Ну вот, и смотрю за домами-то! Хожу из угла в угол... Мужики говорят: «Житье тебе, Кабан!..» Завидуют... А мне другой раз хоть в петлю лезть! Ей-богу! Еще летом побалуешься, туда-сюда, как-нибудь: поборонуешь с бабами, покосишь с мужиками сообща... Вес как будто настоящий крестьянин... Забудешься другой раз, будто и взаправду работаешь... А зимой... что! Места не найдешь... Думал по осени телегу строить... давай тесать да пилить... А мужики смеются: «Ты бы, – говорят, – Кабан, лучше вот из колодца в колодец воду переливал... Скорей взопреешь!» И точно-взял бросил... Кому польза? – заключил он. – Так я думаю: сопьюсь я. Еще пока господь не допускает, а думается: враг одолеет... Вот оно што значит мужику шальные-то деньги: грех! один грех!.. Грабить оно при деньгах-то хорошо, точно...

И действительно, я стал замечать, что Кабан попивает. Не то чтоб он пил запоем или «кутил» – нет, а так вот – ходит-ходит, словно обваренный, да рюмку-другую и выпьет. К вечеру придет ко мне, а у него уж сквозь седую бороду на щеках румянец играет, с усов улыбка не слетает, а серые глаза не то смеются, не то плачут. И вот в эти-то минуты он бывал особенно похож на покойного Самару. Так же, как тот, облокотится он, прямо насупротив вас, на стол, склонит голову на ладонь и, не спуская с вас глаз, затянет заунывную-заунывную песню. У вас сердце щемит, а у него из-под усов блаженная улыбка не сходит.

А однажды он, совершенно неожиданно, поразил меня. Ходили мы с ним как-то по полям. Просил я его показать мне порядок общинного хозяйства – разные «гоны»⁴, «жеребья»⁵, «пай», «барышки» и т. п. Ему, видимо, очень нравилось, что я интересуюсь этим вопросом, и он с особенным удовольствием, даже с увлечением, отвечал мне такими подробностями относительно каждого жеребья, что вся деревенская жизнь встала передо мной как на ладони.

– Вот, вот жеребьёк-то... Это Миронов... Вишь ты, овес-то какой высыпал... гущина! (Мы ходили по яровому полю.) Конечно, что говорить! Сильная семья. Скотины одной крупной семь голов... А это вот, вишь, Степашкин жеребьёк.

– Плох.

– Плох, плох, брат... И говорить нечего – плох!.. А ведь труда-то она сколько кладет! Да, у нашей земли безданно-беспошлинно ничего не возьмешь... А у Степашки всего и ско-

⁴ Гон – часть поля, пашни, которую обрабатывают в один прием, без отдыха; участок пахотной земли отдельного крестьянина.

⁵ Жеребья – участок, доля, пай земли, доставшийся крестьянину в надел по жеребьевке.

тины-то телка, да пара овец, да сивая кобыла. А ей бы, за ейные труды, золотую бы гречу-то надо! Вот что! Кабы по справедливости... Вот вишь, гляди – это вот мои жеребья-то... Вот какая гречиха-то нежится, господь с ней!.. А что наш-то труд? Так, баловство... Кому польза? Кого эта гречиха порадует? Зависть только народу... Отпишу я сыну: «Уродил, мол, нам господь гречиху ровно жемчуг, такую, что на год хватит, да еще и про запас останется». А он тебе, с женой-то, тишком да с улыбочкой: «А нам, тятенька, скажут, хошь бы чертополох у тебя уродился, так все единственно. Потому одна это только твоя потеха... А к нашему имуществу какая ни то пятерка приращения не сделает! Так, думаем, пустое это дело». И верно, и ве-рно! – протянул Кабан и, неожиданно всхлипнув, отвернулся в сторону, высморкался. Я взглянул на старика, но он уже по-прежнему смотрел на меня, улыбаясь; только на щеках под глазами появились у него мокрые дорожки, да на бороде блестели две-три мелких слезинки.

Кабан сконфузился.

– Что с тобой, Аристарх Петрович? – спросил я.

– Дурак, одно слово – стал дурак голый... Пустопорожний человек, – ответил он серьезно, помолчав и смотря от меня в сторону, куда-то в далекое пространство полей. – Толку не видно из мужика стало, – продолжал он, – что уж хорошего!

Мы шли, спотыкаясь о земляные комья пашни, по заросшей розовою и белою кашкой и полевою рябиной меже. Кабан, заложив руки за спину и смотря вниз, говорил отрывисто. Я его не прерывал.

– В другой раз мужики говорят: «Хошь бы ты, Листарха, грабил, что ли, все бы за тобой настоящее дело имелось... Право, ну! Землей бы, что ли, маклачил, торговлей. Так бы уж тебя и понимали... А то чего ты только себе и другим глаза мозолишь?» И верно, и ве-рно, братец! Книгу бы, что ли, какую божественную читать, и на то у меня ума нету: не учен! Богу молиться – и то об чем не придумаю, не знаю, чего просить (чего у нас нет!), не знаю, в чем каяться. Придумал было я тут одно дельце... Вдова у нас была тут с сынишкой; хотел было я его к себе во внучата приусыновить. Ну, воспретили мои-то господа, говорят: «Ты умрешь, а мы опосля того с ними разделяйся!» Придумаешь что ни то, а они воспрещают: «Это, – говорят, – у тебя, тятенька, ум от безделья играет... Чего тебе не хватает, чего тебе недостает? Живи да бога не гневи». И точно, думаешь, за что же я, в самом деле, бога-то буду гневить?

Каким-то странным, невероятным диссонансом звучали для меня эти речи Кабана – для меня, в русской деревне, где кругом кипел только безустанный труд или беспокойная жажда наживы... Впрочем, я должен оговориться: не подумайте, что «безделье» Кабана было наше «барское» безделье. Далеко нет. Это было безделье только относительное, особое деревенское безделье, «мужицкое». Если бы вы посмотрели на Кабана со стороны, он ничем не выделялся бы для вас из общей трудовой массы. Хозяйство шло у него своим порядком: две здоровые бабы-родственницы, одна уж пожилая, другая – косая девка, убирались около дома со скотиной, сам Кабан, наравне с другими мужиками, вставал до свету, пахал и бороновал, сеял и косил, возил снопы и молотил. Он делал решительно все и так же старательно, как всякий мужик, так же галдел на сходах и всею душой участвовал в мирских делах и дележах. И между тем тоскует о том, что он лишний деревенский человек, что он потерял смысл жизни. Страшное это слово – потерял смысл жизни! Вот жил человек, трудился, прожил полвека в этих безустанных трудах и заботах о первых необходимейших потребностях жизни, и вдруг, в благодарность за все это, ему отравили жизнь, у него отняли первоначальный смысл его жизни и взамен не дали ничего.

II

Вначале, пока погода стояла хорошая, мне приходилось почти целыми днями бывать на хуторе, а иногда и ночевать вместе с рабочими в шалаше. Поэтому бывал я в Больших Прорехах только урывками, на ночь, и только в праздники оставался на целый день. Тут-то я и беседовал преимущественно с одним Кабаном. Однажды, накануне праздника, я только что вернулся, отпустив плотников, и велел приготовить самовар. Самовар внес ко мне сам Кабан, по обыкновению, «благообразный», чистый, вымытый, – и теперь от него несло уже не только серым мылом, но и целою баней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.